

Континуальность/дискретность – стилевая черта дискурса

АНАТОЛИЙ Г. БАРАНОВ
(Краснодар)

*Одна из особенностей современной культуры...
– разрыв между континуальностью мысли и дискретностью языка.*

(Налимов 1995: 28)

Высказывание В. В. Налимова вызывает размышления о том, как гуманитарии трактуют континуальность и дискретность. Лингвисты в большинстве случаев рассматривают эти два термина в рамках соотношения парадигматики и синтагматики по Ф. де Соссюру. Для структурной лингвистики вообще характерно дихотомическое изучение языковых сущностей. Переход в антропную лингвистику с ее главным объектом исследования *Homo loquens* в коммуникации (речевой деятельности) не поколебал два главных постулата структурной лингвистики: 1) язык – система знаков; 2) дихотомия (token – type) – модель исследования языковых сущностей. В связи с этим, разнообразие тем исследования обсуждаемого вопроса (континуальность/дискретность) не охватывает всей его проблематики.

Антиномия континуальность/дискретность представляет собой важный аспект взаимоотношения мышления и языка. Она существенно проблематична только на уровне концептуализации в субъект-объектной парадигме. Эта парадигма абсолютизирует каждый из компонентов антиномии, создавая видимость ее постоянства. Требуется выход в более

сложную – холистическую (мультифакторную) *субъект-субъектную парадигму* исследования языка. Это возможно при вероятностном модельном подходе – сразу открываются перспективы раскрытия механизмов взаимодействия континуальности/дискретности.

Естественный язык обладает целым рядом свойств, таких как неопределенность, расплывчатость, полиморфность. Благодаря этому, он представляет собой не просто набор фиксированных строевых элементов, но таких, каждый из которых характеризуется набором потенциальных размытых значений. Они (значения) представляют собой вероятностное полевое образование, заданное через исчисление их весов в различных ситуациях использования языка. Слова, фразеологизмы и другие устойчивые единицы в ситуациях коммуникации используются на уровне селекции (при порождении текста) и распознавания (на уровне восприятия текста), то есть в активации когнитивных функций сознания. Это один из вариантов речевого поведения – селекция знаков из запасника (системы языка) в гармонии с замыслом адресанта и контекстом ситуации. Всю когнитивную сложность этого процесса селекции продемонстрировала О. Йокояма – 7 видов знания передаваемых в когнитивной трансакции (Йокояма 2005: 53).

Другие варианты – это создание нового знака адресантом под свое индивидуальное видение мира:

а) Реальное расширение лексикона как «авоська» у А. Райкина, или «образованцы» у А. Солженицина.

б) Создание функциональных знаков в ткани текста, проявляющееся через комбинацию строевых элементов разной природы в тексте. Этому явлению уделил внимание Р. Барт в своей концепции коннотативного знака текста как знака второго порядка, надстраивающегося над денотативным знаком (знаками). Последние служат для первого планом выражения (Барт 2002: 34). Очевидно, исследования непрямой коммуникации (В. В. Дементьев и др) также входят в эту проблемную область (*Прямая и непрямая коммуникация* 2003).

Знак как таковой формируется (окончательно?) только в коммуникации (дискурсе). И искусство адресанта заключается в использовании разных путей для селекции/созидания знаков *ad hoc* в режиме порождения текста, а искусство адресата заключается, в свою очередь, в распознавании/созидании знаков *ad hoc* в режиме понимания/интерпретации. М. М. Бахтин,

выдвигая идею метаграмматики, схватил эти особенности знака, определяя речевой жанр как «размытую единицу», отливаемую в неопределенные формы (Бахтин 1979: 257).

Проблему тернарности осмысления сущностей в лингвистике поставил Ф. де Соссюр (*langue – parole – language*), а в семиотическом плане – Ч. Пирс (*firstness – secondness – thirdness*). Для Ч. Пирса принцип трихотомии выступил основополагающим в построенной им функциональной семиотике, что соответствовало философскому мейнстриму той поры (единичное – особенное – общее).

Создав учение о семиозисе, Ч. Пирс фактически реализовал тетрахотомический исследовательский принцип. Если сама модель семиозиса включает три компонента: *знак, объект и интерпретанту*, то для описания ее функционирования вводится четвертый компонент – *интерпретатор*. В отличие от Ф. де Соссюра, у которого означающее и означаемое слиты в нечто единое (две стороны листа бумаги), Ч. Пирс разводит знак (*sign*) и объект (*object*) и обеспечивает подвижность формы и значения/смысла. Ведь для Ч. Пирса объект предстает и как системное значение (*immediate object*) и как контекстуальный смысл (*dynamic object*). Зеркально это отражается и на функционировании интерпретанты: выделяется интерпретанта-значение (*immediate interpretant*) в нулевом контексте и интерпретанта-смысл (*dynamic interpretant*). Что еще важно, Ч. Пирс учитывает не только лингвистический контекст, но и экстра-лингвистический. Следующие цитаты подтверждают, что модель семиозиса у Ч. Пирса выступает не столько теорией значения, сколько теорией мышления:

Nothing is a sign unless it is interpreted as a sign (Peirce 1931–1958, vol. 2: 308).

Every thought is a sign (Peirce 1931–1958, vol. 1: 538).

All thinking is dialogic in form... all thinking is conducted in signs (Peirce 1931–1958, vol. 6: 338).

В настоящее время антропная лингвистика, оформив, наконец, предмет исследования (*Homo loquens* в коммуникации), должна перейти на тетрахотомический уровень исследования, опираясь на идеи не только рациональной философии, но и феноменологии, герменевтики, философии языка, философии диалогичности (М. Бахтин) и функциональную семиотику Ч. Пирса. Получается конструкция следующего вида: всеобщее – общее – особенное – единичное. В лингвистической трактовке тетрахото-

мия предстает как «мышление – язык – речь – коммуникация» (Пузырев 1995: 36). Любой лингвистический феномен должен быть рассмотрен на каждом из этих уровней.

Проблема континуальности/дискретности стимулирует некоторые размышления. А прав ли В. В. Налимов в своей категорической трактовке? А может ли мышление иметь черты и дискретности, и континуальности, как и язык? Где и как, в каких ситуациях проявляются вариации означенных свойств в тетрахотомической парадигме исследования языка? Мне представляется, что все многообразие дискурсивной деятельности указывает на такие возможности.

Да, мышление континуально, но это ведущая характеристика проективного, творческого мышления. Об этом свидетельствуют высказывания многих творческих личностей. Ведь они погружают себя в условия русской волшебной сказки: «Пойди туда, не знаю куда; принеси то, не знаю что». С другой стороны, никто не подверг сомнению седьмой принцип корпусной лингвистики – «Much language use is routine» (Stubbs 1998: 41).

Далее следует остановиться на проблемах терминологических, касающихся употребления термина «дискурс» в современных научных работах.

Этот термин имеет невероятно неопределенный статус в современной лингвистике. П. Серио приводит 8 дефиниций термина «дискурс» (1999: 25–27), что указывает не столько на континуальность научного мышления, сколько на различные предпочтения в употреблении термина. Вполне оправданно употребить термин «дискурс» как единичное коммуникативное событие – *token*. Но с другой стороны, появление таких терминов, как педагогический, медийный, художественный, политический и т.д. дискурсы, указывает на употребление термина как абстракции от суммы единичных дискурсов в определенной предметной области – *type*. Возникают ненужные синсемические отношения в терминосистеме. И еще, как соотносить «дискурс» с традиционными терминами «текст», «речь»?

А ведь есть и оригинальная позиция Ю. С. Степанова, который рассматривает термин «дискурс» в ряду: «высказывание → текст → дискурс → интертекст и инфосфера» (Степанов 2001: 36). В таком системном подходе Ю. С. Степанов определяет текст «путем расширения как связную совокупность высказываний, а дискурс как такое расширение, при котором выявляется и подчеркивается помимо линейного расширения (“*on line*”)

его парадигматический аспект (“*off-line*”) – то, какие классификации объектов мира и какие семантические связи между ними при данном расширении устанавливаются. Текст, например текст романа, является с этой точки зрения именно текстом, связной совокупностью высказываний, а дискурсом романа будет картина мира, создаваемая посредством этого текста, вплоть до «идеологии», авторских предпочтений, его симпатий и антипатий, «подтекста», отношения к другим романам и вообще к другим текстам, и т.д.» (Степанов 2001: 36). Подход Ю. С. Степанова к определению терминов, составляющих суть современной проблематики в антропной лингвистике, впервые разворачивает перед читателем толкование терминов «текст» и «дискурс» в семиотической триаде: синтактика – семантика – прагматика. Текст определяется с позиций синтактики и вклада В. Я. Проппа в эту проблематику, а дискурс – с позиции семантики и вклада К. Леви-Стросса, (добавим, и авторов *Общей риторики* (1996)), а также прагматики – если учесть авторские предпочтения, его симпатии и антипатии и т.д. Не напоминает ли это теорию возможных миров (Хинтиikka 1980). Создается впечатление, что и «текст» и «дискурс» в толковании Ю. С. Степанова сориентированы на конкретный роман и конкретный возможный мир этого романа (единичное), без выхода на уровень особенного, общего и всеобщего.

Мне симпатично определение «Text is a language occurrence in communicative setting» (Beaugrande 1980: 48); и есть много вопросов к дефиниции «Дискурс – это “речь, погруженная в жизнь”» (Арутюнова 1990: 137). М. М. Бахтин ввел термин «высказывание» как единичное и четко определил параметры его дефинирования, а для типов высказывания предложил термин «речевой жанр» (Бахтин 1979: 237 и далее).

В данной статье используется «лесенка» терминов, в основании которой лежит термин *коммуникация*, и ее продукт, называемый В. В. Налимовым «*массив текстов культуры*». Минимальной коммуникативной единицей выступает «высказывание» (это соответствует одному из употреблений термина «дискурс»). В духе Бахтинского мышления, первой абстракцией от «высказывания» выступает «*речевой жанр*». Этого недостаточно. Р. Шенк продемонстрировал, что «Human mind is severely domain specific» (Schank with Childers 1988: 184). Если учитывать распределенность речевых жанров по предметным областям, то следует ввести еще одну абстракцию – над речевыми жанрами. Фактически она уже сделана в форме

понятия «дискурсивные практики» (Фуко 1996) или просто «дискурсы» различных предметных областей. Это понятие дискурса, с определенными упрощениями, переключается с термином «функциональный стиль», но оно гибче и вариативнее, так же как термин «речевой акт» – по отношению функциональных типов предложения. Итак, выстраивается терминологический ряд по степени абстракции: «высказывание» – «речевой жанр» – «дискурс» (как сумма речевых жанров). В данной статье проблеме континуальности/дискретности рассмотрим в трех типах дискурса: деловом, научном и художественном.

Деловой дискурс

М. Бахтин говорит о довольно пестром репертуаре деловых документов.

Наименее благоприятные условия для отражения индивидуальности в языке наличны в трех речевых жанрах, которые требуют стандартной формы, во многих видах деловых документов, в военных командах, в словесных сигналах на производстве и др. (Бахтин 1979: 238).

В огромном большинстве речевых жанров (кроме литературно-художественных) индивидуальный стиль не входит в замысел высказывания, а является, так сказать, эпифеноменом высказывания (Бахтин 1979: 241).

Для исследования документов, используемых на табачной фабрике Краснодара (фирма Philip Morris) на двух языках: русском и английском, – были использованы такие элементарные жанры, как запрос информации, ответ, похвала и порицание, совет и предложение, инструкция и распоряжение и др. Конфигурации элементарных жанров образуют макро-жанры (Азнаурян 2006: 10). Разнообразие запроса информации видно из следующих примеров, варьирующихся от прямого до косвенного (непрямого) запроса:

Прямой запрос: а) Do you export alufoil to Russia?; б) If you send us your latest catalogue of non-conformities we will need to have details.

Косвенный запрос: а) I am looking forward to hearing from you as soon as possible. *Подразумевается:* У меня нет информации. Каковы дальнейшие действия? Свяжитесь с нами. б) Can you please let us know as soon as possible you have paid the invoice. *Подразумевается:* Оплатите, пожалуйста, счет как можно быстрее и сообщите нам. *Скрытый смысл* – требование немедленно оплатить счет (Азнаурян 2006: 10–11).

Вообще М. Бахтин прав по поводу эпифеномена, потому что приведенные примеры косвенности делового высказывания отражают столь модную в наше время стандартную толерантность.

Еще одна проблема, означенная Б. Азнаурян, – соотношение терминологии и профессионализмов в русском и английском языках. Сбои в профессиональном общении на фабрике вызвали необходимость стандартизировать употребляемую терминологию в виде русско-английского словаря-тезауруса (Азнаурян 2005: 14–22).

Еще один аспект рассмотрения делового дискурса отметил Л. Виттгенштейн. Его привлекла манера «языковой игры» рабочих-монтажников и ее восприятие посторонними наблюдателями.

73 Из «Симплициссимуса»: загадка техники. Картина: два профессора стоят перед строящимся мостом. Голос сверху: «Отпусти – эй – отпусти, я кому сказал, – а теперь закрути покрепче, – да вон ту, другую!» – «Непонятно, дорогой коллега, как можно проводить такую сложную и точную работу, пользуясь подобным языком (Виттгенштейн 1994: 425).

Из личного опыта работы монтажником – в бригаде монтажников работа выполняется молча с редкими краткими репликами, как правило, на профессиональном жаргоне с вкраплениями из «великого и могучего...»

Если стандарты документооборота, в общем-то, изучены лингвистами, то в широком плане различные аспекты делового дискурса требует дальнейшего изучения, включая стилистический эпифеномен.

Научный дискурс

Мне представляется, что континуальный стиль научного творчества весьма распространен среди первопроходцев науки. Открывая новые направления науки, новые интенциональности в уже разработанных направлениях, они испытывают затруднения в поисках новых форм оязыковления, прежде всего, – в создании новой терминологии.

Но ведь традиция научного стиля ставит перед ученым задачу однозначности формулировок, доведения дискретности научных положений до приемлемого уровня. Интересен комментарий Ф. де Соссюра по поводу требования дискретности к научной работе: «Что же касается книги на эту тему, то об этом нельзя и помышлять. Здесь необходимо, чтобы мысль автора приняла завершенные формы» (цит. по: Алпатов 1999: 131).

Характерно высказывание философа М. К. Мамардашвили:

Лишь написав, я узнаю то, что я думаю. Существует какая-то подвижная конструкция, явно материальная, составленная из элементов языка, но это и не язык, и не отсутствие языка (цит. по: Литвинов 2008: 53).

И еще: «Фактически я думаю пером, ибо моя голова часто не ведает о том, что пишет рука» (Витгенштейн 1994: 427). Зарождаясь в «подвалах сознания» мысль ученого постепенно приближается к «завершенным формам».

На мой взгляд, высокий уровень дискретности в формулировке научных положений достигнут в пионерской работе Н. Хомского *Syntactic Structures* (Chomsky 1957). Существенная критика его работы была высказана представителями корпусной лингвистики (Stubbs 1998). Ведь исследование проведено на 27 предложениях, которые Н. Хомский сам же придумал. Впрочем, это даже не критика, а «оценка» с позиций современной антропной лингвистики. Уровень «сциентизма» в тексте Н. Хомского столь высок, что следы континуальности его мышления открылись лишь в его более поздних работах. Особенность мышления Н. Хомского проявляется в применении гипотетико-дедуктивного метода, как это делал А. Эйнштейн (см. Литвинов 1999: 69 и далее).

Рассмотрим особенности научного высказывания М. Бахтина (*Эстетика словесного творчества*, 1979). Он дает описание оснований новой науки о языке, в противопоставление традиции и структурной лингвистике. Континуальность его мышления прослеживается в рассмотрении проблемы с различных позиций в противовес бытующему в научных кругах мнению. Он формулирует свои научные положения в вариативной манере через повторы, оценки, уточнения.

В качестве примера рассмотрим такие лингвистические «*фигуры* как «слушающий» и «понимающий» (партнеры «говорящего»)» (Бахтин 1979: 246). Далее следует полемическое изложение позиции автора по поводу «*фигуры*», насыщенное следующими оборотами: «активная ответная позиция, понимание чревато ответом, понимание живой речи носит ответный характер, всякое понимание чревато ответом; активная ответная позиция; понимание чревато ответом; понимание живой речи носит ответный характер; всякое понимание чревато ответом» (Бахтин 1979: 246); «молчаливое ответное понимание; активно понятое откликнется в последующих

речах; активное ответное понимание замедленного действия; целостное понимание активно; активно ответное понимание; говорящий установлен на активно ответное понимание; говорящий ждет ответа, согласия, сочувствия, возражения, исполнения и т.д.; говорящий сам является в большей или меньшей степени отвечающим; каждое высказывание – это звено в очень сложно организованной цепи других высказываний» (Бахтин 1979: 247). Такому обилию вариативного повтора следует сопоставить слова Л. Витгенштейна:

каждое предложение, которое я пишу, всегда уже предполагает некую целостность, то есть всегда заведомо говорит о том же самом, и рассматриваются, как бы под разным углом зрения, лишь аспекты единого бытия (Витгенштейн 1994: 419).

Художественный дискурс

Если рассматривать задачей художественного дискурса демонстрацию человеческих чувств, эмоций оценок, то, что в когнитивной теории относится к не поддающимся дискретизации *знаниям-переживаниям*, то художественный дискурс отличается и континуальностью мышления, и континуальностью оязыковления.

Поучительно описание творческого процесса создания стиха О. Мандельштамом, начинавшегося с бессловесной музыкальной фразы.

Весь процесс сочинения состоит в напряженном улавливании и проявлении уже существующего и неизвестно откуда транслирующегося гармонического и смыслового единства, постепенно воплощающегося в слова (Мандельштам 1988: 52).

Рассмотрим фрагмент диалога, несущего следы континуальности и мышления, и языкового употребления. По факту, это цепь высказываний в диалоге, относящаяся, по Бахтину, к первичным речевым жанрам, но включенность в рамки художественного сочинения придает им дополнительную перспективу художественности. Участники диалога: Люк Бирн – американец, волею судьбы и предпочтений более 20 лет живет в центре Сахары, по местным меркам – богатый человек и знаток местного лингво-культурного колорита. Британец Макс Стаффорд, бывший опытный военный разведчик, теперь владелец частной охранной фирмы в Лондоне. В Сахару его привело расследование странного исчезновения работника бухгалтерии на одном из охраняемых предприятий. Люк Бирн оказался тем человеком, который помогает Стаффорду в поисках пропав-

шего и помогает разобраться в сложной этнокультурной специфике местного населения – туарегов.

As the dust drifted away on the light breeze Mokhtar got out and walked over to the tents. He was wearing his sword slung across his back, the hilt over his left shoulder.

Byrne said, 'These people are of the Tegehe Mellet. Mokhtar has gone to question them. If a Land-Rover has been anywhere near here they'll know about it.'

'What's the sword for?'

Byrne laughed. *'He'd feel as undressed without it as you would with no pants.'* He seemed to be becoming more human.

'The Teg-whatever-it-s-you-said...is that a tribe of some kind?'

'That's right. The Tuareg confederation of the Ahaggar consists of three tribes – the Kel Rela, the Tegehe Mellet and the Taitoq. Mokhtar is of the Kel Rela and of the noble clan. That's why he's gone to ask questions and not me.'

'Noble!'

'Yeah, but not in the British sense. Mokhtar is related to the Amenokal – he's the boss, the paramount chief of the Ahaggar confederation. All you have to know is that when a noble Kel Rela says, "Jump, frog!" everybody jumps.' He paused, then added, 'Except, maybe, another noble Kel Rela.' He shrugged. 'But you didn't come out here to study anthropology.'

'It might come in useful at that,' I said (Desmond Bagley 1979: 72).

Этот диалог выбран в качестве примера не только континуальности мышления, но и континуальности оязыковления возникшей проблематики – как объяснить британцу в 1961 году специфику этнокультурных отношений в племенах туарегов, верных многовековой традиции и почти не затронутых современной цивилизацией.

В тексте выделены два существенных высказывания Макса и ответы Люка. Люк Бирн испытывает затруднения в переносе этноспецифики туарегов в пространство британской этнокультуры. В первом случае используется сравнение, а во втором – зоометафора. Что важно подчеркнуть – и в первом, и во втором случае работает один и тот же механизм: достижение эквивалентности знаний-переживаний через создание образности. Можно попытаться объяснить характер подчинения в племенах туарегов через набор слов, например: беспрекословное, абсолютное, неизбежное, неотвратимое и т.д. Но цель едва ли будет достигнута простым перебором семантического ряда.

Стихотворение, по Якобсону, имеет поэтическую функцию доминирующей. Поэтому и он сам и многие другие в деталях рассматривают эту функцию с позиций стихосложения и многих особенностей организации

звукоряда, и не только (ср. Михалев 1997). Мы оставим это в стороне как «общее место» и сконцентрируем наше внимание на вопросах «изобретения», феноменологии темы и построения коннотативного уровня стихотворения. Для рассмотрения выбрано стихотворение А. С. Пушкина:

Ты и вы

Пустое *вы* сердечным *ты*
 Она, обмолвись, заменила
 И все счастливые мечты
 В душе влюбленной возбудила.
 Пред ней задумчиво стою,
 Свести очей с нее нет силы;
 И говорю ей: как вы милы!
 И мыслю: как тебя люблю!

Фактологическая основа стихотворения – встреча А. С. Пушкина с Анной Алексеевной Олениной, которая ошиблась, обратясь к Пушкину – *ты*. На другое воскресенье он привез эти стихи.

Теперь обратимся к «изобретению», что в принципе едва ли возможно, поскольку это лирическое сочинение о чувствах лирического героя, искренность которых остается вне рациональности. Тем не менее, можно говорить о распределении топосов в стихотворении. Оно построено изящно и распадается на четыре двустишия. В первом описывается факт обмолвки, затем следует описание чувств героя, возбужденных этой обмолвкой. Потом дается этюд, суть которого – экспликация чувств героя через невербальные компоненты коммуникации (*body language*). Завершающее двустишие – его речь озвученная и внутренняя.

Коннотативная организация первого двустишия опирается на противопоставление двух местоименных форм обращения в русском языке. Эти формы имеют невероятно сложные семантико-прагматические поля, тонко отражающие различные стороны отношений людей. В данном случае речь идет об отношениях не очень близко знакомых молодых мужчины и женщины. И фрагменты семантических полей данных местоимений потенциально в такой ситуации также весьма широки. Выделив местоимения курсивом и придав им эпитеты (ось комбинации), противопоставив комбинации друг другу, поэт создает сложный коннотативный знак, вызывающий целый набор ассоциаций при рефлексии читателя (по Г. П. Щедровицк) в поясе мыследействия, и далее чистого мышления.

Второе двустишие раскрывает тоπος чувств, возбужденных в душе героя. Эти чувства, в принципе расплывчатые, получают некоторое уточнение на уровне комбинации: прелесть все еще остающейся неопределенности выражения чувств – в их направленности: «счастливые мечты», «в душе влюбленной».

Третье двустишие – это вербальное представление невербальных компонентов коммуникации, указывающих на чувства, охватившие героя. На уровне комбинации значимо все: «задумчиво стою» как отражение нахлынувших чувств и, особенно, «Свести очей с нее нет силы» – передающее силу и спонтанность чувства. Коннотативная мощь данного двустишия обеспечивается поощрением к визуализации поведения героя.

Четвертое двустишие демонстрирует контроль героя над своими чувствами, боязнь спугнуть наметившуюся возможность ответного чувства. Двустишие образует коннотативный знак, в котором значимы «говорю», «как *вы* милы» и «мыслю», «как *тебя* люблю», спаянные в единое противопоставление.

Первое и последнее двустишия образуют, таким образом, рамку, придавая всему стихотворению завершенную форму. Но и это не все: стихотворение имеет еще одно измерение – объединение стихов в два четверостишия, в свободной манере коннотативную суть которых можно определить как направленность действий и чувств «она» → «я» и «я» → «она». А весь текст представляет собой многослойный коннотативный знак, отличающийся выверенной проекцией эквивалентности с оси селекции на ось комбинации. Добавить сюда анализ роли звуко-символического ряда – и оценку данного стихотворения как полного поэтического (коннотативного) знака, можно выразить, повторив однажды сказанные слова Александра Сергеевича: «Ай да Пушкин, ай да молодец!». В стихотворении явлено действительно поступающее мышление как

эмоционально-волевое мышление, интонирующее мышление [...] Эмоционально-волевой тон обтекает все смысловое содержание мысли в поступке и относит его к единственному бытию-событию (Бахтин 1994: 36).

С позиций культурологических стихотворение являет романтический образ «прекрасной дамы».

Нет необходимости эксперимента на интерпретацию, так как полифония стихотворения такова, что она несомненно будет многократно

и «неопределенно-расплывчато» отражена в индивидуальных текстах-интерпретациях. Дело в том, что данное стихотворение посвящено взрыву чувств. А, следовательно, «энциклопедия» как глобальный контекст интерпретации «свертывается» к знаниям-переживаниям, которые принципиально проблемны для коммуникативной передачи.

Теперь можно предложить некоторые обобщения: континуальность/дискретность представляет собой важный аспект взаимоотношения мышления и языка в коммуникативной деятельности, выступая стилевой чертой разной силы проявленности в различных дискурсах.

В связи с тем, что стиль получил мультипликативное толкование в лингвистике (см. Гайда 2013: 25–34), есть необходимость связать рассмотрение континуальности/дискретности с определением стилистики в тетраходической парадигме. Основание этой парадигмы образуют: функциональная семиотика Ч. Пирса (модель семиозиса, триада синтактики, семантики, прагматики), философия диалогичности М. Бахтина (теория высказывания и речевого жанра), морфология сказки В. Проппа. Все они прямо или косвенно опираются на риторико-герменевтический подход к исследованию коммуникации.

Но есть разночтения. Например, стиль в понимании В. Проппа (Пропп 2001: 106) – это «языковление» (*elocutio*) и оно четко отделено от «изобретения» (*inventio*) и «распределения» (*dispositio*). М. Бахтин определяет единицу коммуникации – высказывание – параметрами тематического содержания (*inventio*), композиционного построения (*dispositio*) и стиля (*elocutio*). Дополнительно подчеркивается «замысел» и «воля» говорящего (Бахтин 1979: 237, 256). Для М. Бахтина «стиль неразрывно связан с высказыванием и с типическими формами высказывания, то есть речевыми жанрами» (Бахтин 1979: 240). Он выделяет «индивидуальный стиль» и «языковой стиль». Но в итоге следует констатировать, что стиль выступает лишь одной из нескольких черт в его дефиниции высказывания. Понятие стиля распространяется на все компоненты риторической модели порождения текста в *Общей риторике* (1986). С точки зрения функциональной семиотики Ч. Пирса стиль следует рассматривать как волю адресанта к формированию высказывания на уровне синтактики, семантики и прагматики, пересекающихся с риторическими ступенями порождения высказывания и как волю интерпретатора к герменевтической интерпретации высказывания.

При тетрахомическом подходе выявляется необходимость рассматривать стилистическую перспективу на всех уровнях модели как иерархию абстракций, начиная с высказывания (конкретное), речевого жанра (особенное), дискурса (общее) и мышления (всеобщее). В этом ряду ключевую роль следует отнести стилю мышления, ибо с него начинается и им заканчивается коммуникация. Прав Ж. де Бюффон: «Le style c'est l'homme meme». Комментарий Л. Витгенштейна: «Оно говорит, что стиль – картина человека» (Витгенштейн 1994: 483).

Литература

- Азнаурян Б. Э., 2005, *Когнитивно-прагматические особенности делового дискурса (на материале документооборота табачной промышленности)*, Краснодар.
- Алпатов В. М., 1999, *История лингвистических учений*, Москва.
- Арутюнова Н. Д., 1990, *Дискурс. – Лингвистический энциклопедический словарь*, Москва.
- Барт Р., 2001, *S/Z*, Пер. с фр., 2-е изд., ред. Г. К. Косиков, Москва.
- Бахтин М. М., 1979, *Эстетика словесного творчества*, Москва.
- Бахтин М. М., 1994, *К философии поступка. – М. М. Бахтин, Работы 1920-х годов*, Киев.
- Витгенштейн Л., 1994, *Философские работы*, часть 1., Москва.
- Гайда С., 2013, *Что такое стиль? – Стилистика как речеведение*, Москва.
- Йокояма О., 2005, *Когнитивная модель дискурса и русский порядок слов*, Москва.
- Литвинов В. П., 1999, *Мышление Ноама Хомского: Курс лекций*, Тольятти.
- Литвинов В. П., 2008, *Гуманитарная философия Г. П. Щедровицкого*, Москва.
- Мандельштам Н. Я., 1988, *Воспоминания*, «Юность», № 8.
- Михалев А. Б., 1997, *Опыт многоуровневого анализа поэтического текста*, «Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета», № 3–4, Пятигорск.
- Налимов В. В., Дрогалина Ж. А., 1995, *Реальность нереального. Вероятностная модель бессознательного*, Москва.
- Общая риторика*, 1986, Пер. с фр. Ж. Дюбуа, Ф. Пир, Ф. Тринон и др., Москва.
- Пропп В. Я., 2001, *Морфология волшебной сказки*, Москва.
- Прямая и непрямая коммуникация*, 2003, Саратов.
- Пузырев А. В., 1995, *Анаграммы как явление языка: Опыт системного осмысления*. Москва, Пенза.
- Серю П., 1999, *Как читают тексты во Франции. – Французская школа анализа дискурса*, Москва.

Степанов Ю. С., 2001, *В мире семиотики*. – *Семиотика: Антология*, Москва.

Фуко М., 1996, *Археология знаний*, Киев.

Хинтиikka Я., 1980, *Логико-эпистемические исследования*, Москва.

Baugrande R. de., 1985, *Text Linguistics in Discourse Studies*, «Handbook of Discourse Analysis», vol. 1, London.

Chomsky N., 1957, *Syntactic Structures*, The Hague: Mouton.

Desmond Bagley, 1979, *Flyaway*, Fontana, Collins.

Peirce Ch. S., 1931–1958, *Collected Papers*, vol. 1, 8, Cambridge, Mass.

Schank R. with Childers P., 1984, *The Cognitive Computer. On Language Learning and Artificial Intelligenc*, Ready (Mass.).

Stubbs M., 1998, *Text and Corpus Analysis. Computer-assisted Studies of Language and Culture*, Blackwell Publishers Ltd., Oxford.

Continuity / discreteness – stylistic feature of discourse

The predominant way of stylistic investigation – up till nowadays – follows the dichotomic ‘token-type’ principle. It is argued here that the comprehensive study of style be carried along the rhetoric-interpretative lines, which requires a tetrachotomic approach (thinking – discourse – genre – utterance), thinking and utterance levels being of paramount importance. So, one should distinguish style of thinking, utterance style, genre style and discourse style.

The analysis of continuity/discreteness is carried out on four varieties of discourse: business, scientific, everyday (set in r literary one) and poetic. The results show that the antinomy of continuity/discreteness is highly variable in each item of the antinomy – from continuity to discreteness and backwards; the scale of variability dependent, though, on the type of discourse. This fact shows that this antinomy might be treated as a stylistic feature of communication, alongside with other features of textuality.

Keywords: *tetrachotomic approach to style: thinking – discourse – speech genre – utterance; semiosis, syntactics, semantics, pragmatics; rhetorics, hermeneutics, 4-level approach to style; style of thinking, stylistic feature*